

Экономика попала в ловушку неформальной занятости

ng.ru/economics/2022-11-30/1_8603_economics.html

Газета Экономика Печатная версия

30.11.2022 19:37:00

Предприятия приспосабливаются к перманентному кризису за счет работников

 Анастасия Башкатова

Заместитель заведующего отделом экономики "Независимой газеты"

Тэги: экономика, неформальная занятость, производительность труда, безработица, минтруд

On-Line версия

Глава Минтруда Антон Котьяков фиксирует рекордно низкие показатели безработицы. Фото РИА Новости

Минтруд отчитывается о рекордно низкой безработице, а Минэкономразвития – об интересе компаний к нацпроекту, посвященному производительности труда. Экономисты же указывают на проблему недооцененности труда в России. Отечественная экономика оказалась в «ловушке неформальной занятости», следует из выводов экспертов Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН. Низкие доходы экономики создают условия для распространения на рынке труда неформальной занятости, предполагающей невысокое качество и низкую производительность рабочих мест. А эти рабочие места формируют низкие доходы

населения, что негативно влияет на экономический рост. По экспертным данным, производительность труда в неформальном секторе РФ на 22–25% ниже, чем в корпоративном.

Ситуация на российском рынке труда «достаточно стабильна». В течение последних нескольких месяцев безработица, рассчитываемая по методике Международной организации труда, находится в РФ на уровне 3,8–3,9%. И это, как сообщил глава Минтруда Антон Котяков, «достаточно низкий параметр для большинства стран, европейских стран».

В Минэкономразвития одновременно с этим указывают на растущий интерес компаний к нацпроекту, посвященному производительности труда. «У нас сейчас более 4 тыс. участников и 2 тыс. новых заявок. Участники нацпроекта 2019–2021 года увеличили свою прибыль на 61 млрд», – отчитался глава ведомства Максим Решетников.

А проблемы и безработицы, и производительности труда, в свою очередь, напрямую связаны с таким ключевым фактором, как стоимость труда в стране.

Чем ниже его стоимость, тем хуже ситуация с производительностью. При этом на фоне низкой стоимости труда в экономике распространяются два таких явления, как скрытая безработица, с одной стороны, и неформальная занятость – с другой.

Об этом можно судить по исследованию, проведенному старшим научным сотрудником ИНП РАН Еленой Узяковой, результаты которого обнародованы в новом выпуске журнала «Проблемы прогнозирования».

Проанализировав различные данные официальной статистики и проведя собственные расчеты, автор указала на то, что со временем доля среднесписочной численности работников организаций в стране сокращается, при этом растет доля других форм занятости: «Рынок труда становится более гибким».

Из этого можно сделать вывод, что на рынке труда все больше распространяются различные варианты адаптации предприятий в том числе к кризисным явлениям за счет снижения издержек. И прежде всего издержек в виде расходов на работников. Особенно в условиях, когда увольнения нежелательны.

Например, как сообщается в исследовании, «низкий уровень цены рабочей силы продолжает оставаться одним из факторов, стимулирующих накопление скрытой безработицы в различных ее формах».

По уточнению автора, в периоды кризисов производительность труда в организациях в рамках формального сектора экономики сокращается. «Это традиционное явление для российского рынка труда, где вместо прямых увольнений работников применяются различные схемы неполной занятости (неполного рабочего времени) и пропорциональное или непропорциональное сокращение оплаты труда», – уточняет Узякова.

Эти потери в производительности труда, в свою очередь, могут компенсироваться за счет другого фактора – неформальной занятости. Как сообщает исследователь, «за последние годы увеличение неформальной занятости стало не только российской, но и общемировой тенденцией».

Если говорить про российскую ситуацию, то на фоне низких зарплат на официальном рабочем месте часть работников могут «перетекать» в неформальный сектор экономики. Также работодатели могут на фоне кризисных явлений чаще применять неформальные отношения, чтобы уйти от налоговых издержек. При этом в периоды кризиса неформальная занятость подвергается более жесткой оптимизации, чем формальная: права работников менее защищены.

Так что пока в формальном секторе накапливается скрытая безработица, в неформальном, судя по всему, происходит текучка кадров.

Динамика производительности труда на 85% определяется уровнем и динамикой технологических изменений, сообщается в исследовании. «Поскольку возможности для технологических новаций в неформальном секторе ограничены, потенциал роста производительности труда здесь также невелик», – отмечает Узякова.

По приведенным в исследовании оценкам, в России производительность труда в неформальном секторе была в 2019–2020 годах на 22–25% ниже, чем в корпоративном. Так что и уровень зарплат в неформальном секторе тоже вовсе не имеет потенциала к существенному росту.

При этом если брать показатели в целом по экономике, они тоже выглядят низкими, особенно в сравнении с другими странами. «Например, в 2014-м уровень заработной платы в целом по экономике России, рассчитанный по номинальному курсу доллара, был в 3,1 раза ниже, чем в Японии, в 3,8 раза ниже, чем в Германии, и в 4,6 раза ниже, чем в США, – сообщается в исследовании. – Низкая цена рабочей силы в России определяет и невысокий уровень производительности труда: в 2019 году это всего 37% от уровня этого показателя в США, 40% – Германии, 57% – Японии».

«Труд в нашей стране недооценен, – пояснила «НГ» Узякова. – С учетом того, что в стране с 2014 года наблюдались низкие темпы роста экономики и снижение (или стагнация. – «НГ») реальных располагаемых доходов населения, есть опасения, что ситуация с заработной платой с тех пор только усугубилась».

Судя по исследованию, занимая значительную часть общей численности занятых (до 20% – по методологии Росстата, до 40% – с учетом скрытой занятости в организациях), неформальная занятость может значимо влиять на уровень и динамику доходов населения, на социальное неравенство. На неформально занятых в РФ может приходиться, по разным оценкам, от 13–14 и чуть ли не до 28–30 млн человек.

В итоге автор описывает механизм попадания экономики в «ловушку неформальной занятости»: «Низкие доходы экономики создают условия для распространения неформальных отношений (ухода от налогов и высоких издержек ведения бизнеса), предполагающих невысокое качество и производительность рабочих мест. Рабочие места низкого качества формируют низкие доходы населения... одновременно с низкой производительностью труда. Итогом подобных отношений становится низкое качество человеческого капитала, снижение экономического роста и доходов населения».

Рост и накопление численности занятых в неформальном секторе становятся «естественным приспособлением экономики к текущим условиям, в которых ввод качественных (высокопроизводительных) рабочих мест ограничивается низкими доходами экономики и дефицитом квалифицированного труда».

«Работодатель не будет заинтересован в повышении качества и производительности труда до тех пор, пока труд будет дешево ему обходиться», – пояснила «НГ» Узякова. По мнению экономиста, «нужна реформа повышения заработной платы, прежде всего в бюджетных секторах, а далее бизнес, как правило, подтягивается к новому уровню».

«Рост оплаты труда стимулирует предприятия более эффективно организовывать рабочий процесс, повышать фондовооруженность рабочих мест и производительность труда, – считает эксперт. – Работники, в свою очередь, понимают, что высокооплачиваемый труд – это равно высокая квалификация и ответственность. Поэтому возникает необходимость в повышении квалификации. Такое положение дел неизбежно приведет к сокращению доли низкоквалифицированного труда в целом и неформальной занятости в частности».

Между тем эксперты, комментируя исследование, указывают на некоторые терминологические и иные методологические тонкости, которые могут сильно влиять на окончательные выводы.

«По нашим наблюдениям, компании, представленные в секторе неформальной занятости, «экономят» на налогах, связанных с деятельностью сотрудников. Это вызывает определенные сложности с оценкой производительности труда, которая высчитывается посредством деления финансового результата деятельности компании, например выручки или дохода, на количество сотрудников, – комментирует вице-президент по операционному управлению ANCOR Алексей Миронов. – Если коммерческие данные организаций так или иначе доступны, то информация о численности штата будет при наличии неофициального персонала сильно искажена». Так что, по его мнению, методология может вызывать много вопросов.

Сравнить производительность труда в корпоративном секторе и в сфере неформальной занятости как минимум трудно. «К тому же работодателям, предпочитающим неофициальные схемы работы с персоналом, сложно

конкурировать с корпорациями с точки зрения эффективности бизнеса, поскольку это не самые большие и конкурентноспособные организации из другой лиги», – добавил Алексей Миронов.

Директор Центра исследований производительности Экспертного института НИУ ВШЭ Илья Воскобойников обратил внимание на то, что если учитывать определение неформальности с опорой на Росстат, как это делает и автор исследования (неформальным считается работник, который занят предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, работает у индивидуальных предпринимателей по найму или задействован в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена), то в рамках такого определения, допустим, «неформальный» адвокат вполне может зарабатывать больше «формального», работающего по найму в адвокатской конторе.

«Допустимы и другие определения, в рамках которых неформальность возможна и на «формальном» рабочем месте, когда стоматолог часть своего формально рабочего времени тратит на «неформальное» лечение пациента. Но такие ситуации сложнее для статистического наблюдения», – отметил он.

То есть такие оговорки стоит иметь в виду. Но в целом эксперт согласился с тезисом, что основная часть неформальных работников в час производит меньше, чем формальных: «Причина в том, что, как правило, неформальный работник задействован на работе, не требующей высокой квалификации и не предполагающей использование сложного и дорогого оборудования».

Но, как еще раз уточнил Воскобойников, легко выделить виды деятельности, для которых ситуация противоположна и неформальный работник за час может производить больше формального: «Это не только услуги адвокатов, но также иные бизнес-услуги, образование (репетиторы), услуги по уходу за больными и престарелыми (сиделки)».

«Если говорить о заработных платах в месяц, то уровень зарплат в формальном секторе, как правило, выше», – продолжил он. И конечно, тракторист – формальный работник агрохолдинга – будет получать больше индивидуала, выращивающего на своем огороде картофель на продажу. «Однако легко представить ситуацию, когда репетитор за час работы получает больше, чем учитель в школе за час аудиторной нагрузки», – уточнил Воскобойников.

В то же время эксперт пришел примерно к тому же выводу, что и автор исследования: подрыв стимулов к автоматизации – это сложившееся на рынке соотношение цен на труд и капитал. Как говорит Воскобойников, «вначале на рынке должно вырасти предложение квалифицированного труда работников, способных управлять машинами, и уже затем можно ожидать, что предприниматель сочтет выгодным покупать экскаватор вместо привлечения бригады неформалов с лопатами».

Ведь и увеличение зарплаты разнорабочему до уровня квалифицированного крановщика или сварщика не привьет ему мгновенно навыки управлять сложным оборудованием, добавил эксперт. Таким образом, как считает Воскобойников, повышение производительности труда работника – «в первую очередь задача самого работника», стремящегося соответствовать потребностям рынка.

Однако ради чего ему повышать свою квалификацию, если даже на более сложном и ответственном месте работы его зарплата будет относительно невелика?

Как считает при этом замдиректора «Центра развития» НИУ ВШЭ Валерий Миронов, стимулы к автоматизации, высвобождению занятых и их переливу после переобучения в новые прорывные сектора в регионах России могут быть созданы как раз повышением уровня заработной платы в обрабатывающих производствах на основе системных законодательных решений.

Также эксперт уточнил, что неформальный сектор – это в основном услуги, а в сфере услуг, если это не высокотехнологичный сегмент, производительность труда в силу более низкой капиталовооруженности действительно значительно ниже.

«Экономист Дани Родрик даже использует термин «безусловная конвергенция», которая подразумевает успешное догоняющее развитие развивающихся экономик просто за счет включения в глобальные цепочки стоимости в рамках обрабатывающей промышленности, куда происходит перелив труда из низкопроизводительного сектора услуг и из технологически отстающего сельского хозяйства, – пояснил Валерий Миронов. – В таком случае догоняющее развитие происходит даже без глубоких реформ, связанных с совершенствованием систем управления, институтов, финансового рынка».

Неформальную занятость снижать важно, «но сложно утверждать, что работники должны отказываться от неформального трудоустройства, так как это может быть единственное рабочее место в населенном пункте», обратила внимание доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова Людмила Иванова-Швец.

«Почему собственники компании не хотят или не могут себе позволить платить налоги в полной мере? Возможно, для таких организаций необходимо создавать условия, чтобы они выходили из этого теневого сектора и платили налоги. Задача государства – стимулировать их это делать, и хороший пример – это введение налогового режима самозанятых», – считает Алексей Миронов. Похожая инициатива может простимулировать работодателей и сотрудников переводить трудовые отношения в официальную легальную плоскость.

Читайте также

Другие новости

загрузка...